

3-10
№ 27 (79) ИЮЛЬ 1991 г.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Рейтинг популярности Леонида Филатова растет необратимо. Причем с каждым годом и все в новом качестве. Сегодня он уже известен не только как суперкиноактер и автор популярного литературного произведения «Сказки про Федота-стрельца», но и как киноэкспериментатор, снявший свой первый художественный фильм «Сукины дети», выдвинутый для участия в конкурсе на XVII Московском международном кинофестивале от СССР. А на презентационном шоу Российского телевидения был назван «самым смелым актером» нашей действительности.

— Леонид Алексеевич, вы сказали, что в отличие от других актеров не имеете при себе ни политических, ни экономических программ. Значит, народу в плане спасения страны вам сказать нечего. Это позиция!

— Я считаю, что это дело, так сказать, вкуса. Для страны, спятившей на тему политики, этот процесс естествен, хотя и аномален, потому что мы вообще немножко аномальны. Собственно, каждый из нас, делая что-то в искусстве, так или иначе обнаруживает свои пристрастия, и политические в том числе. Зачем посылать армию дилетантов? Будучи артистом, вдруг, неожиданно просто так, между прочим — взял и захотел залезть в политику? У тебя есть профессия, ты можешь ей заниматься, определенным образом поддерживая одних или других. Чего же еще?

— Тогда давайте поговорим о вашем имидже в кинематографе. За вами закрепилось клеймо «роковые мужчины». Как вы сами считаете, это режиссерская эксплуатация ваших внешних особенностей или наоборот — творческий предел, дальше которого — тишина!

— Для меня это загадка, и со временем я просто перестал на эту тему размышлять. Идут годы, я выхожу из возраста обольстителя девиц, и мой образ уже не совсем молодого человека в кино для этой роли перестает подходить. Есть другие кумиры, и меня это не печалит. Более того. Когда появилась картина «Экипаж», для меня было про-

ЛЕОНИД ФИЛАТОВ И ЕГО «СУКИНЫ ДЕТИ»

сто неожиданностью то, что я вдруг стал чьей-то сексуальной грезой. Я пытался свой имидж асячески развезать и относиться ко всему с юмором: смешно ведь в жизни ходить таким вот фанфароном. Я писал стихи, о которых никто не знал, чего-то еще сочинял, много читал, и мне казалось, что мой интеллектуальный потенциал входит в некоторое противоречие с образом лавеласа, к которому меня приспособили. Если я выражал сексуальную грезу страны на определенном этапе, это не лучшим образом характеризует страну. Я нормальный, характерный актер, никакой не герой.

— Очень критично вы себя оцениваете. Тогда какая из иноролей наиболее полно раскрыла ваш сложный духовный мир?

— Да никакая. Я с большим уважением отношусь к фильму «Успех», очень люблю режиссера Костю Худякова, мы с ним сделали много картин, и «Успех», наверное, лучшее из того, что у нас получилось. Конечно, я выделяю эту роль из тех глупостей, пусть даже и приличных, что я наделал в кино. В «Успехе» я существовал плодотворно. Не могу сказать, что я исповедовался, но роль мне была очень интересна, потому что я играл режиссера-самосожженца. Говорят, что мой герой плохой. Я пытался одно время спорить с критикой: при чем тут плохой или хороший? Он — самосожженец и

так к себе и относится. У него смертельная профессия — двадцать четыре часа в сутки думать о том, что он ставит. А как тогда быть с Мейерхольдом, который был очень нелегким человеком? Многие талантливые люди сложны и не очень контактны. И если кто-то из них вдруг не поздоровался с вами, это вовсе не значит, что он плохой. Он просто погружен в себя, внутри него что-то происходит. И это надо понимать.

— Вы смогли проработать себя в кинорежиссуре только на независимой киностудии «ФОРА-фильм» или же такие возможности были у вас и раньше?

— У меня было предложение от Георгия Данелия, но тогда о кино я как бы и не думал. Зачем снимать дилетантские фильмы? Кругом и так много просто «никчемушек», «сбаванных» таким примитивным способом, которому можно обучить и зайца.

Для меня важна была идея, что-то такое, о чем я знаю и расскажу лучше других. И еще — это непременно должно быть что-то личное. Так появился сценарий «Сукиных детей» — кино-сказки про то, как из сора возникают стихи и как несчастье делает людей тольше, лучше, внимательнее, точнее, доброжелательнее — просто выше. Сценарий этот нельзя отождествлять с тем, что происходило в Театре на Таганке. В жизни все

было гораздо драматичнее.

Я принес сценарий на «Мосфильм» в объединение «Ритм», а когда для съемок стали искать деньги, объявила «ФОРА». Со мной работали потрясающие мастера кино. Мы сняли картину за двадцать четыре дня. Для дебюта срок, согласитесь, не совсем нормальный.

— В результате у вас получился «сбиггий» коммерческий фильм, в котором есть все: и гражданственность, и эротика, и скандальность — полный набор. Это входило в ваши планы?

— Я думаю, что надо быть скромнее. Коммерческая картина прежде всего постановочная. Но не верю, что «Сукины дети» — картина коммерческая, тем более сегодня, когда все избалованы видео и американскими лентами, на которые, кстати, ходят уже неохотно. Я долгое время считал ее прошлогодним снегом. Сам сюжет — чиновники, партократия — где это все сейчас? Все попрятались по углам. Но у меня была уверенность, что мы слишком торопимся со всем этим попрощаться, и в итоге она оправдалась: картина «въехала» в трагический контекст, когда произошли события в Литве.

— Я почему «нажимаю» на коммерцию: в вашей картине столько «звезд», что, кого из известных актеров ни назови, все снялись в фильме «Сукины де-

ти». Скажите, этот «букет» вам был нужен для их невыявленного самораскрытия или же просто ради эффекта присутствия?

— Улеси Бог, я не ставил целью их раскрывать. Мне нужны были разные типы актерской братии, яркие сами по себе. Я считал, что это должны быть известные столичные знаменитости, привносящие в кино самих себя, свою репутацию. Я не ставлял их играть особенных характеров. Фильм состоит как бы из смен эпизодов, и я бесконечно благодарен, что все они, несмотря на занятость, не отказались работать со мной, причем в две смены, имея параллельные картины. Не знаю, как бы в подобной ситуации поступил я сам...

— Какую роль вы, что называется, спите и видите!

— Никакую. Я так устроен. Никогда ни о чем не мечтаю. В свое время отказался от роли Сирано де Бержерака.

— И чем же вы гордитесь?

— Так сложились обстоятельства, я плохо себя чувствовал, был всеми обруган, да и не очень «светила» еще одна костюмная история, мало чем отличающаяся от «Собаки на сене». Я не увидел в идее режиссера трагедии человека, выдающего чуть дальше других, чуть больше понимающего, но совсем не знающего, как себя спасти. Такой вот умница, философ, замечательный и изворотливый, который за весь мир подумал, а про себя забыл. Вот что я хотел играть.

— Получаете ли вы творческое удовлетворение от того, что вы делаете, или же смена одного занятия другим есть недополучение самого главного в одном!

— Моя профессия неизмерима. И все же я быстро начинаю «соскучиваться» и на каком-то этапе со своим интересом начинаю не совпадать. Предложил когда-то Ю. Любимов играть в театре Самозванца, а я взял и уехал в Колумбию сниматься у С. Соловьева в «Израильских». Тогда мне это казалось интереснее. От меня ждут сказок. Ну разве я Андерсен, чтобы писать сказки? Снял картину. Но какой я кинорежиссер? Я бы оскорбил огромное количество людей, которые занимаются этим профессионально: Н. Михалкова, С. Соловьева, В. Абдрашитова, К. Худякова... Они потратили жизнь на это занятие, их уровень очевиден. Завтра у меня, может, дар рисования откоется. Надо не насиливать себя и периодически делать только то, что тебе интересно, по возможности, не повторяясь.

Беседа вела
Ирина ГОРЮНОВА.
Фото Александра
Тягны-Радно.